

23 MAR 41

Калинин

Газета №

А. Н. ОСТРОВСКИЙ В ТВЕРИ

В изучении прошлого нашего края глубокий интерес представляют путевые заметки, дневники великих русских писателей.

Это были люди, развившие до удивительной остроты наблюдательность, — люди, одухотворенные идеей борьбы за лучшее будущее своей страны, за счастье трудящихся.

Знакомясь с этими материалами художников слова, мы начинаем иными глазами смотреть на все окружающее нас, на историю нашего края. Многие, ранее незаметное для нас, приобретает интерес и смысл.

Среди русских писателей, так или иначе связавших свое имя с Калининской областью и с городом Калинином, видное место занимает великий драматург А. Н. Островский.

85 лет тому назад, в 1856 году А. Н. Островский в качестве члена литературной экспедиции должен был посетить район Верхнего Поволжья до Нижнего Новгорода. Свое путешествие он описал в путевых очерках. «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода» («Морской Сборник», XXXIX, кн. 2, отд. III, СПб, 1859). Кроме того, до нас дошли дневники, которые писатель вел во время путешествия.

В апреле месяце Островский прибыл в Тверь, с удовлетворением отмечая, что железная дорога Москва—Петербург укоротила путь до Твери до 7½ часов. Некоторое время он провел в Твери, сделав поездку в Городню, затем отправился в Осташков. Отсюда — в Ржев, Зубцов, Старицу, затем вернулся в Тверь. Из Твери он направился в Корчеву, Кимры и Калазин.

Ничто не ускользает от взгляда нашего путешественника. В мелких, на первый взгляд незначительных, сценах он видит глубокий социальный смысл. Обычный волж-

ский пейзаж служит предметом восхищения Островского; обычные люди становятся выразителями характерных особенностей русского народа.

Противоречивые впечатления произвела на Островского Тверь пятидесятых годов. С одной стороны, это был капитализирующийся город с новыми фабриками и постройками, город николаевского палочного режима; с другой — город мещанской бедноты.

Островский отмечает только что построенную за Тьмакой огромную фабрику купцов Залогина и Каулина на 44 тысячи веретен. Кругом фабрики в это время возводился целый город построек (красильня, ткацкие, дома для помещения директора, машинистов, рабочих и проч.). У паровой пристани Островский видит новость для того времени — «три чистенькие, как будто вчера только сделанные, пароходы». Его интересует желание парового общества «Самолет» построить в устье Тьмаки для своих паровых гаваней. Вместе с тем он отмечает падение судостроения. «В устье Тьмаки... видны следы каких-то водяных сооружений, теперь запущенных». Еще в 1855 г. Тверь построила 31 барку, постройкой занимались тверские мещане.

В городе рядом со старым общественным садом Островский видит новый, еще не разросшийся, стоявший городу больших средств. Миллионная улица (теперь Советская) поражает писателя чистотой. Ее беспредельно моют, чистят. Впрочем, это понятно почему: она является «коридором между Петербургом и Москвой». «На всем протяжении Миллионной видна самая строгая деятельность полиции и почти никакой обывательской жизни». Народ прячется от этой богатой улицы.

«В будничный день, пишет Островский, вы в Твери не заметите никакой жизни, как будто все вымерло». И тут же делает обобщение: «Едва ли во всей Великороссии найдется еще такой безжизненный город».

В праздничный день на этих улицах писатель наблюдает катающихся в колясках городских аристократов, пьяных офицеров, гуляющие кучками купеческие семейства. «Барышни» гуляют в бархатных бурнусах, маменьки — в темных платьях и салопах, как у нас в Москве». Пестрота и безвкусица их нарядов «режет глаза» писателю. Посещая городские власти и местную интеллигенцию, Островский собирает сведения «о злоупотреблениях градских голов». Подобное он замечает и в других городах нашей области. Зубцов своим запустением, запущенными пристанями на Вазуза производит на Островского впечатление несчастного города.

Не ускользает от Островского в Торжке и такая мелкая деталь: «Девочки играют на улице в мячик. Полковничий сын лет шести, одетый по-солдатски, бьет в барабан и колотит палками девочек и мальчиков».

Большой интерес Островский проявляет к жизни городской бедноты. Непривлекательна эта жизнь. С сожалением он замечает, что на улицах Твери «народной жизни совершенно незаметно, песен вовсе не слышно». «Когда я спросил, — продолжает он, — отчего не слышать песен, он (купец Лавров) отвечал, что полиция гораздо строже смотрит на песни, чем на грабежи».

Писатель интересуется бытом городской бедноты. Чем же живет она? — Ковкою гвоздей. В городе и уезде (в селах Михайловском и Васильевском) количество выделан-

ных гвоздей простиралось до 100 тысяч пудов на сумму 500 тысяч рублей. Средняя выручка бедняка не более полтинника в неделю. «Иза этого полтинника, — замечает Островский, — они спят три часа в сутки: такова бедность мещан в Твери».

Около ста бедняков мещан занимаются перевозкой на утлых лодках («голеновках») через Волгу. Дневная выручка перевозчика 15—20 копеек серебром. В летнее время число перевозчиков уменьшается до 20, так как через Волгу и Тверцу наводят мосты. «Остальные везут пассажиров вверх или вниз по Волге. Женщины занимаются вязанием простых чулок и варежек, причем заработная плата их также ничтожна. Неудивительно, что «самое лакомое кушанье тверских мещан, о котором они мечтают, жареный в конопляном масле лук».

Отсюда и рыбная ловля для тверяков — не праздная забава. Писатель видел, как берега Тьмаки «усеяны рыболовами... с удочками...». «При бедности тверских мещан, — замечает он, — если мальчик натаскает в день небольшой

кувшинчик уклеи, и то в доме подспорье».

Но мрачные картины капиталистической Твери, в которых, как в зеркале, отражалась вся Россия середины XIX в., не вызывают у писателя безнадежного пессимизма, безверия в счастливое будущее своей страны. Жизнелюбивый писатель умеет находить в Твери и Тверском крае картины, вселяющие уверенность в силу и богатство родной страны; он яркими, сочными красками рисует их. В Городне он рассматривает левый берег: «За рекой зеленел поемный луг, его замыкал высокий сосновый лес, справа и слева — изгибы и плеса Волги и несколько сел по берегам. Прекрасная картина».

В Торжке, гуляя по бульвару, Островский замечает: «Вид... на ту сторону Тверцы выше всякой похвалы». Такое же впечатление производят на Островского и люди. В Торжке он восхищается «замечательными» костюмами женщин и гулянием девушек на бульваре. В Осташкове любит нарядами: «особенно замечательны коконники обилием жемчуга». Ржев поражает писателя «высоким местоположением,

просаками *), костюмами женщин». В Твери он встретил известного деятеля того времени — веселого, открытого и очень умного Унковского.

Путешествуя по Тверскому краю, Островский собирает народные песни, ведет наблюдения над языком. Так, здесь он находит для «Снегурочки» притворы свадебных дружек.

Наблюдения над языком часты. По дороге в Осташков он замечает: «На дороге я убедился, до какого безобразия доходит новоторжский язык». На полях дневников он выписывает местные слова: бредина — ива, ракитник, бредовая кора употребляется для дубления; коромысло — водонос — матор; налим — линь, кислица — щавель. Объясняет подробно значение слова «празницкий».

Так писатель запасал словесный «материал» для своих бессмертных комедий. Но не только яркие слова и песни, а целые сцены и картины, виденные писателем во время путешествия по Тверскому краю, послужили ценным материалом для пьес. Так, комментаторы дневников и писем Островского — Н. П. Кашии и Вл. Филиппов указывают, что встреча писателя с содержателем постоялого двора в Сытькове (по дороге из Осташкова в Ржев), — толстым мужиком с огромной седой бородой, с глазами колдуна, у которого гуляли офицеры с его пятью дочерьми, — дала сюжет комедии «На бойком месте». Слова новоторжского (тверского) винного пристава: «человек с большими усами и малыми способностями», которыми последний отрекомендовался писателю, исполь-

*) Веревоочный стан, на котором крутят веревку, пространство, где крутится веревка. Если попадешь туда краем одежды, волосами, то может так закрутиться, что не выберешься. Отсюда выражение: попасть в просак — оказаться в затруднительном положении.

зованы в «Бесприданнице». Описание Торжка отразилось в «Грозе».

Вполне справедлива ссылка упомянутых комментаторов на слова современника Островского — С. М. Максимова, характеризующие наблюдательную способность писателя: «Всматриваясь внимательно в материалы... новольно испытываешь изумление перед обилием тех данных, из которых опытная и твердая рука нашего великого писателя готова была создать художественные типы и картины... Все главнейшее было предусмотрено и выяснено на месте личными наблюдениями и подсказками сведущих лиц, все было проверено самыми точными справками и при очных ставках».

Все это должно повышать интерес у нас, калининцев, к творчеству великого драматурга.

Остается пожелать, чтобы театры нашей области уделяли большее, чем сейчас, внимание к постановкам драм и комедий А. Н. Островского. Желательно, чтобы при подготовке некоторых комедий в декорациях учитывался пейзаж Волги и Тверцы в пределах Калининской области; в костюмах действующих лиц принимались во внимание костюмы тверских, новоторжских, ржевских жителей первой половины и середины XIX века; желательно, чтобы речь действующих лиц отражала интонации и звуковые особенности новоторжских, ржевских и др. калининских говоров.

Музеи, хранящие под сном этнографические материалы, могли бы время от времени устраивать выставки в клубах, фойе театров и проч. выставки, связанные с юбилеями писателей, имевших отношения к нашему краю, связанные с постановкой тех или иных художественных произведений на сцене театров области.

С. КОЛОСКИИ.